

Учитель, воспитай ученика, чтоб было с кем тебе потом судиться

Нехудожественные методы борьбы за Художественный театр

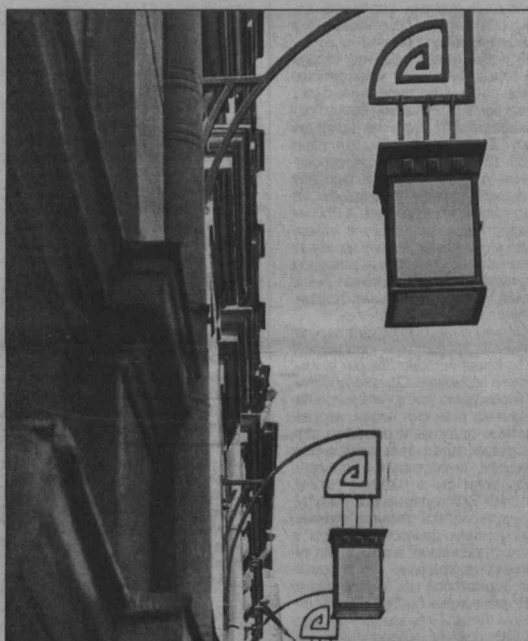
Примерно неделю назад в телепередаче "Человек и закон" был показан сюжет, касающийся скандальной ситуации во МХАТе им. А.П.Чехова. В студию пришли сами возмутители мховского спокойствия: заместитель художественного руководителя по правовым вопросам В.Прудкин, актер и режиссер М.Ефремов, актер А.Панин, режиссер по пластике С.Векслер. Из закадрового комментария телеведущей мы узнали, что поводом для приглашения театральных людей в программу юридического характера стал поданный ими недавно судебный иск на руководство МХАТа им. Чехова. В свою очередь, причиной иска явился тот факт, что администрация театра не заключила с группой артистов, иммигрировавших, как сказано в программе, "то 6-7 ведущих ролей в репертуаре", контракты на 2000 год. В течение короткого и довольно скучного телесюжета, впрочем, выяснилось, что у мховского бунта есть глобальные правовозрастные задачи. М.Ефремов, предвидя возможные к себе вопросы этического характера (человек, подающий в суд на руководство театра, согласился, не может забыть о том, что главный руководитель — его отец, Олег Николаевич Ефремов), заявляет с экрана, что судится не с творческим руководством, а с дирекцией. При этом цитирует В.И.Немировича-Данченко, который в свое время называл разбухшую бюрократическую часть МХАТа ироническим словом "хонтора". Телеведущая же добавляет: нынешняя "хонтора" якобы погребла под собой и сам театр.

Претензии группы артистов, в числе которых не участвовавшая в программе И.Алексимова, адресованы и самому Уставу МХАТа им. Чехова. В нем, судя по телевизионным, для актеров предусмотрена контрактная система, а для администрации — пожизненная, к тому же вопросы заключения творческих договоров отданы на откуп дирекции театра.

Как жаль, однако, что администрация чеховского МХАТа отказалась от комментариев этого инцидента. Сами же бунтари, естественно, опустили в своих монологах те мотивы, по которым с ними не подписаны нынешние контракты. Отделавшись общими рассуждениями о "тоталитарном режиме", ни слова не проронили о собственных дисциплинарных нарушениях. (Одно из них, касающееся М.Ефремова, на так давно скандально шумуло.) Остается добавить, что нынешний суд — уже третья юридическая попытка одних и тех же людей разорваться с собственным домом. Ни одно разбирательство пока не решило дела в их пользу.

Эту ситуацию комментирует известный театралы критик, доктор искусствоведения, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова Александр ШЕРЕШ.

— Ничем любят судиться: общеизвестно, что суд бывает весьма эффективным средством общественного развития. Бывает, что судится и "между собой" — в поисках общественного сочувствия пополосать запяточные белышко стало модным способом самовыражения.

Фот. А.ЛЕСИЧЕВ

Однако недавняя телепрограмма "Человек и закон", посвященная судебному процессу, который затеяли молодые артисты Московского Художественного театра, все-таки у многих вызвала не только естественный интерес, но и сложное чувство, в котором недоумение перемешивается с гадливостью. По сути, это ведь дети судятся с родителями. А в таком процессе всегда есть нечто, во-первых, неестественное, а во-вторых, недостойное.

Четыре молодых актера — все четверо — ученики О.Ефремова, а В.Прудкин назван для солидности заместителем худрука МХАТа по правовым вопросам — предьявили руководству МХАТа иск, суть которого, честно говоря, понять сразу трудно. Были бы все четверо отмечены зрительским успехом под сенью чайки в последние годы. Но, к сожалению, ни один похвастаться этим не может. Что же касается "юридического заместителя" Ефремова В.Прудкина, то о том обстоятельстве, что у него в дипломе написано слово "режиссер", давно забыли даже самые доброжелательные почитатели сегоднешней стилистической драматической сцены.

Так в чем же суть иска? Дискутировали на экране, в словах не особенно стесняясь. Но смысл иска от этого эмоционального возбуждения не слишком прояснился. Я вообще, если не подбирал слова, удивился глупой энергетике участников этого телемероприятия. Пусть на обложках на меня за слово "глупый" — я с огромным личным уважением отнесусь ко всем, кто был на экране, и к тем, кто остался за кадром. Но удивила меня безарзусная неразумность и слова, и задачи, и средства, которые выбрала для себя участница этого телеочерка. Очередной переворот? Очередная смена власти на уровне чиновничьего управления? Подоб-

ные истории в любом театре ведь регулярны. Это, скорее, часть почти закономерного выброса энергии, недоданной на сцене зрителю. Ну а если попробовать все-таки понять суть?

С момента создания товарищества "Художественный театр" в 1898 году были четко поделены зоны ответственности между художественными руководителями и дирекцией. Именно это распределение позволило появиться и сохранить на десятилетия выдающиеся художественные открытия России, каким стал МХТ. Интриги внутри труппы были и будут всегда. Об этом лучше всего написал Булгаков в "Театральном романе". Но любая смена сцены руководства приводила, об этом уже засвидетельствовала история Художественного театра, к снижению активности творческого процесса, остроты субъективности и практической самосубичтожности существующей труппы. В шестидесятые годы об этом много думал и очень точно говорил Г.А.Товстоногов, который категорически не признавал, скажем, никаких совместительства в театре — ни осветителя с декоратором, ни зам. директора с заливом, ибо это ведет к распаду всего дела.

В конце концов театр — это же особый организм, уже при создании которого в слово "дирекция" вкладывается не власть начальническая, а концентрированная воля тех же самых актеров, которые хотят начать свое новое театральное дело. Иначе ничего не бывает, иначе ничего не получится бы ни во МХАТе сто лет назад, ни в Театре Мейерхольда, который взял даже имя директора и худрука на афишу, иначе не состоялся бы театр Эфрона ни в ЦДТ, ни в Ленком. Хотя Анатолий Васильевич никаких формальных административных обязанностей на себя не брал. Но

он соглашался каждый раз работать с той дирекцией, с которой находил рабочие контакты, и это обстоятельство было главным. Потом это повторилось на Бронной и не случилось на Таганке. Директивная подпись в театре, какой бы громкой она ни была, это, по сути, всегда и только лишь знак доверия, которое актеры передали своему начальству и в данный конкретный момент по данному конкретному поводу получили обратно. Неужели ученикам Олега Николаевича Ефремова это нужно объяснять или просто напоминать?

"Мнение в театре — это сила убеждения и авторитета члена коллектива, — говорили мудрые создатели МХАТа, — а не директивная власть подписи. Поменять эти понятия — губительно для дела". Разве Евгению Александровичу Евстигнееву или Иннокентию Михайловичу Смоктуновскому нужны были формальные чины — мол, это не просто Евстигнеев, а "член худсовета Евстигнеев" — для того, чтобы их коллеги прислушались к их мнению?

Другой вопрос: множество сложностей, которые объективно и субъективно возникли перед Художественным театром в связи с переходом во второе столетие своего существования, подталкивают к размышлениям и о лидерстве, и о направлении движения, и о том, всякий ли получивший еще одну толчку административной власти в театре намерен отдавать ее общему делу, а не улучшению самоусовершенствования внутри этого дела. Труппа Художественного театра тут тоже есть о чем и о ком подумать. Но разве для всего этого нужно разломать дом до основания?

Именно В.Прудкин пытался поучаствовать в разделе собственности Художественного театра, создавая полумифические организации будто бы в защиту его. Я очень хорошо помню эти сложные обстоятельства в жизни МХАТа, так как именно в это время мне была оказана честь быть избранным председателем Попечительского совета Московского Художественного театра имени А.П.Чехова. Я помню бесконечный поток бумаг, смысл которых всегда сводился только к одному — к получению В.Прудкиным как одним из руководителей акционерного общества при театре гипотетической материальной прибыли.

Именно В.Прудкин позволил себе начать судебный процесс с родным домом.

И, наконец, именно В.Прудкин сейчас всеми правдами и неправдами, вовлекая умных, а иногда и не очень дальновидных молодых сторонников, пытается создать внутри МХАТа атмосферу, в которой грязь, склоки, фанатерия и каботинство сделают невозможным даже самые начальные ростки серьезного творческого процесса.

А может быть, дело еще проще?

И приходит мне в голову грешная мысль: а может, господину В.Прудкину именно этот самый творческий процесс в одном из лучших театров планеты просто ни к чему, потому как он к нему элементарно не способен?